

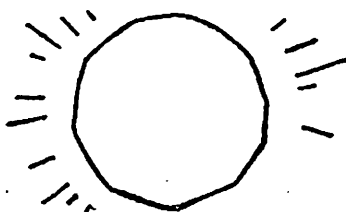

Христофор
Порохов

Ягодные
Зори

Иустофор
Порохов

ЯГОДНЫЕ ЗОРИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

КРАСНОЯРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1993

ББК 84.3Р2 (Якут)
Г-70

Переводы с якутского
Бориса Романова
Владимира Алейникова
Иннокентия Новокрещенных
Ильи Фаликова
Анатолия Преловского

Художник
В. И. Бусыгин

Книга издана на средства автора

Г 4803790200—029 93
М 147(03) — 93

ISBN 5—7479—0593—7

© Красноярское книжное издательство, 1993

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНОЙ АЛАС

Золотым наперстком показался
Лютник в разметающейся траве.
Весь алас чему-то улыбался
В радужной прозрачной синеве.

Голосом пронзительно счастливым
Трепетавший жаворонок пел.
И хомусом звонким, говорливым
Над аласом день-деньской висел.

А береза пряталась стыдливо
На опушке, в хвое навесной.
Ветер, пробегавший торопливо,
Растрепал ей косу пятерней.

Вихрем неусмным мчался дальше
На певучем пойменном лугу, —
Неподвластен времени он даже,
День за днем миную на бегу...

Так меня вот нынче и встречали
Детства незабытые места,
Словно и ни годы, и ни дали
Нас не разлучали никогда.

ТУЧИ

Почетными гостями у Земли,
У нас побудьте тучи хоть немного, —

В грязи дорожной, в водяной пыли
Одежды оставляйте за порогом.

Водой, небесным громом освященной
И молнией пронзенной, до краев
Наполните чороны земляков
И напоите наш алас зеленый.

Поведайте живыми голосами
Нам о чужих нехоженных краях,
Чтоб песня над далекими лугами
Откликнулась в играющих ручьях.

Алмазами сверкает ваша влага!
Вам с высоты, наверное, видна
Морская и земная глубина,
Первопроходцев гордая отвага.

И дремными глухими вечерами,
Когда и звезд не видно, в тишине
Вы бредите певучими стихами,
Которые рождаются во мне.

Прошедшие неведомые дали
И силою высокою полны,
Ответьте, тучи, что вы повидали,
Что разглядели с грозной вышины?

СЛОВА

Пугливые, как чуткий чубуку *,
Никак слова мне не даются в руки.
Несут ветра неясную тоску,
И несказанность усиляет муки.

И осенью, когда летит листва,
И мне понятны звоны листопада,
Не нахожу я звонкие слова,
Немея от прищуренного взгляда.

* Чубуку — горный баран.

Мне наши взгорья сызмальства друзья,
А и они тех слов не подсказали,
Которые и выдумать нельзя,
И отыскать расчетливо едва ли...

Я неотступно, до седых волос
Охочусь за волшебными словами,
Еще их мне добыть не привелось,
Чтоб поделиться выстраданным с вами.

СЕВЕРНОЕ УТРО НАЧИНАЕТСЯ

Северное утро начинается, —
Свет зари упал к седым стволам,
С места нарты легкие срываются
И летят по розовым снегам!

Северное утро начинается, —
Снегирей спугнув с большой сосны,
Звезды оробевшие скрываются,
В синеве истаявши, как сны.

Северное утро начинается, —
И в любви признания звучат,
И во сне ребенок улыбается, —
Только в детстве так, с улыбкой, спят.

Северное утро начинается, —
И туман ластится к земле,
Светом серебристым рассыпаются
В снежной синеватой полумгле.

Северное утро начинается
Робким звуком в дальнем далеке,
И заветным словом откликается
В первой непридуманной строке.

ГОЛУБОЙ ЧОЛБОН ПЛЫВЕТ

Голубой челбон плывет
Теменью небесной,
И душа моя поет,
Откликаясь песней.

В песне — дом, что вдалеке,
В Янской светлой дали,
Там, где льдины по реке
К морю проплывали.

В доме топит печку мать
И под нос бормочет...
Хочет сына повидать —
Где-то он, сыночек?

После дойки молоко
Тихо разливает.
Сливки снимет... Далеко
Сын, не приезжает...

Мама, видно, для меня
Сливки сберегала.
И меня день изо дня
Ждет она устало.

Ну, а сын, любимый сын,
Шастает по свету,
И в траве ночных равнин
Росный свет по следу.

ПОД РУКОЙ КОСТОРЕЗА

Под рукой костореза умелой
Желтоватая кость оживает...
На равнине с утра онемелой
Открывается далее полет,
Каждый куст облетевший поет.

Как горит полушалок цветастый,
Щеголих драгоценный наряд —
Так озера под высью глазастой
Наливаются синью, горят —
Зорек осени радужный взгляд.

И как миг незапамятной встречи
С человеком хорошим — вдали
Встали горы у края земли,
И взвалить на могучие плечи
Мои тяжкие мысли смогли.

Ветер жухлые травы колышет,
Веет осени звонкой тепло,
Благодушием солнечным дышит...
Как в березовой роще светло
На душе, да и ветер все тише...

И почудится — счастье уже
У порога, явиться готово.
И рождается слово в душе,
Вдохновенное слово!

ОЛЕНИ

Стелясь, неслись в погоне за Чолбоном
Олени... За туманами вдали
Их колокольцы запаленным звоном
С душой моей мелодию вели.

В душе моей стозвонно отзывались,
Как разноцветие вешнее в лугах,
Как олонхо, в котором открывались
И свет добра, и вечный ысях...

Душа моя всему была открыта:
Любви, не спящей ночи напролет,
Тоске по тем аласам, где забыто
Кустится земляника и цветет...

И, как хомус, душа моя звучала,
И шли от сердца ясные слова,
И северным сияньем полыхала
Ночных небес густая синева...

И матери моей благословенье
Перед дорогой дальнею, земной
Жило в душе с тревогой и сомненьем,
Встававшим то и дело предо мной...

Стелясь, неслись в погоне за Чолбоном
Олени... За туманами вдали
Их колокольцы запаленным звоном
В душе моей мелодию вели!

УТРО ВЫДАЛОСЬ ЯСНОЕ-ЯСНОЕ

Утро выдалось ясное-ясное,
Да и ночка была хороша!
Разлилась тишина сладкогласная,
Даже птицы молчат не дыша.

И один я по роще березовой
Прохожу в эту раннюю рань,
На бересте с подцветкою розовой
Каждой тени отчетлива грань.

Здесь слова отыщу я заветные,
Чтобы высказать душу тебе,
Но они, как цветы незаметные,
Прорастают незримо в судьбе.

Разноцветием тропы расцвечены,
Где ищу я единственных слов, —
Тех, из сердца, любовью отмеченных,
Но сама бессловесна любовь.

Теплый ветер в листве зашевелится,
Мои волосы тронет легко,
Это ты! — почему-то поверится —
Вспоминаешь меня далеко...

Утро выдалось ясное-ясное,
Да и почка была хороша!
Где-то облако носит ненастное,
Но безоблачен день, как душа!

СКВОЗЬ ОБЛАКА

Как суорат * мутовкой, облака
Взбивая самолетными винтами,
Летим, обозреваем свысока
Весь дальний мир, раскинутый под нами.

Я сын полей, таежисей тишины,
Вдруг в олонхо попавший ненароком,
Взмыл над горой, что прячет свет луны,
И над орлом парящим одиноко.

В мгновение ока показалось мне,
Моря остались сзади, как в дымке тая,
Отстала безнадежно, как во сне,
Под нами лебедей летящих стая.

Мне «верхний мир» ** хотелось разглядеть,
Увидеть чудеса его живые, —
Но подо мной земная коловертъ,
А надо мной пустоты голубые!

Я сызмальства оваян олонхо...
И понял вдруг, летя над облаками —
В моей судьбе сбылось сейчас легко,
Что чудилось несбыточным веками.

* Суорат — молочный продукт.

** Верхний мир — небесный мир, по мифологии якутов.

ПЕСНЯ

Песню слушая, вспомнил, что было,
Из давно позабытого дня,
Как луна над снегами всходила,
Как баюкала мама меня.

И в обыденность нашу простую
Песни радужный отсвет проник —
И кукушки-вещуньи, тоскуя,
Затевали со мной переклик.

Песня радостью всех одаряла,
И, брусникой на склонах горя,
В глухомани родной поднимала
Изумленную бровь глухаря.

Скакунов достопамятных ржанье
Постигала в ночном далеке,
И подслушала глади дрожанье
На рассветном моем озерке.

СЧАСТЬЕ

Когда по Яне неся ледоход,
Как стадо диких, бешеных оленей,
И, оглушая дымный небосвод,
Загрохотал беспечно гром весенний,
Тогда-то, детство, мы и убежали
За голубой мечтой в родные дали.
Когда кумыс пьянящего дождя
Поил поля и заливал низины,
И золотистым лаком, восходя,
Покрыло солнце тихие долины,
Тогда как жеребенок-сосунок
Летела моя юность со всех ног.
Ну а потом с неведомых высот
Ниспосланы судьбою полетели

Мои снега, быстрее, чем ни год,
И закружили жгучие метели,
И на висках остались навсегда
Мои снега — заветные года...
«Что минуло, то счастье» — говорят,
А я не соглашаюсь, сомневаюсь...
За счастьем я который год подряд,
Пока еще без усталости, гоняюсь.
Пусть новый день уйдет, я не в обиде,
Я тороплюсь грядущее увидеть!

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Мою фотокарточку мама повесила
В красном углу... Средь заботного дня
Устало присядет и, глянув невесело,
О чем-то выпрашивать станет меня.

А голос дрожит, и слова ее робки,
И в такт им качанье седой головы...
Потом достает из заветной коробки
Нешедрые, редкие письма, увы...

Ей кажется люди скрывают чего-то
В рассказах о сыне, и мало ей слов...
Гадают на картах да, глядя на фото,
Толкует обрывки несвязные снов.

И мамино сердце недремное бьется,
Весь мир охраняя тревогой святой,
А если замрет оно — жизнь оборвется,
Не станет любви на планете пустой.

ПОЧЕМУ?

Почему небеса зарыдали навзрыд,
Как журавль, потерявший подругу?
И земля от холодного пота дрожит,
Пролетая по звездному кругу?

Почему, как весенние зори, горят,
Разрумянились щеки девчонок?
А в угрюмые омуты звезды глядят
И ночами ныряют спросонок?

Почему, как заливистый хохот, гремит
Майский гром над сквозною тайгою?
А раздольное летнее утро горит
Загустевшей вдали синевою?

Почему настигают все ветры меня
То жарою, то стужей пугая,
То печаль принося среди ясного дня,
То неожиданный успех предлагая?

От непраздных вопросов не прячусь в тени,
Но и праздные тоже бывают!
Почему, как стрела на излете, они
Настигают меня, настигают?

ОТВЕТЬ, ПОЭТ

Ты кто такой? — ответь, поэт.
Ответь на все вопросы.
С чего так робок лунный свет
И облака белесы?

Ты видишь, как у глухаря
Бровь земляничкой рдеет?
Сиянье севера, горя,
В просторном небе реет?
А отчего голубизна,
Как свет, сияет всюду?

И дышит неба глубина
В воде подобно чуду?
 Как неказистые копыти
 У предков — в кои веки! —
 Летали по небу, легки,
 Через леса и реки?
Кто так устроил, что спешит
Вслед за весною лето,
Что вся тайга зимою спит
Снегами разодета?
 Где вдохновения родник,
 Не напоят любого,
 А ждет поэта, чтоб приник
 Испить живого слова?
И пусть ученый промолчит,
А ты ответь, поэт, —
Куда вселенная летит,
Роняя звездный свет?

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

В кольцах блеска волны юрко
Тщатся солнце захлестнуть,
Камни цвета чернобурки
Из волны видны чуть-чуть.
 Здравствуй, море!
 Из снежного дня
Ты манило мечтою меня.

Горы держат на вершинах,
Как олени на рогах,
Жар созвездий ярко-синих
И ночных небес размах.
 Здравствуйте, горы!
 Вершины в снегу
Я далью родимой представить смогу.

Дразнят спелой голубицей
Здесьних девушек глаза,

И, слепя огнем, искрится
Полдня жгучего краса.
Здравствуйте,
Солнцем залитые дни,
Вы сердцу, открытому свету, сродни!

ВЕЧЕР

Охотничьими мягкими шагами
Крадется вечер не дыша, а вслед —
И звезды рассыпаются над нами,
Мигает слабо их высокий свет.

А сумерек густеющие тени
Неясытью летят среди огней.
И залпом искр стреляют трубы в темень,
И небеса все ниже и синей...

Меньшая дочь, набегавшись, уснула,
Посапывает сладко, видя сны.
Я у окна один сижу сутуло,
Впотьмах не видно редкой седины.

Вошел сквозь плотно запертые двери
Незванный гость — неслышный вечер — в дом, —
Открой, прошу, грядущие потери,
Дай в завтра глянуть хоть одним глазком!..

В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

В час полночный, неуютный
Страшный сон приснился мне,
Я очнулся с болью смутной,
Смутным страхом в тишине...

Помню, шли мы. Вьюга пела.
Улыбалась странно ты.
Стынут горы в дымке белой,
Тропы узкие круты.

Блещет севера сиянье —
Выси грозно расцвели.
Ворон злое прорицанье
Прокричал — и смолк вдали.

Я с тобой одной дорогой,
Но поодали шагал,
Как утенок одинокий,
Что от вывода отстал.

Не догнать...
И вдруг от крика
Вздвогнув, я к тебе бегу!
Как от стужи земляника
Ты застыла на снегу,
И исчезла...
Я на скалы
Лез — ну где ж ты?! — как архар,
Там костер небесный, алый
На вершине полыхал,

В нем сгорел я...
С болью смутной
Вдруг очнулся в тишине...
В час полночный, неудобный
Страшный сон приснился мне.

АХ, ГОДЫ — ГОРЕСТИ СТУДЕННЫЕ!..

Ах, годы — горести студеные!
Седых висков не утаю.
Снегами в поле заметенную
Верну ли молодость мою?

Морщин тропинками немалыми
Мой лоб давно уже изрыт,
Былых страстей ручьями талыми
Со щек румянец легкий смыт.

И вновь я задаюсь вопросами
О смысле жизни... Седина,
Подобно мареву белесому,
Где дремлет в холоде луна.

Не властно время в ослеплении
Лишить меня любви земной.
И жизнь — извечное горение,
И кровь — как паводок весной!

НЫРНУЛА ОСЕНЬ В НЕБО ГОЛУБОЕ

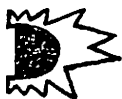
Как будто в воду — рыбка золотая,
Нырнула осень в небо голубое.
Любовь, в поющем сердце оживая,
Со мною вновь идет одной тропею.

Пернатые щебечут всем на диво,
Рулады их не выразить словами.
А солнце вдаль плывет неторопливо,
Как будто старец в лодке — за сетями.

С утра в пространство двери открываю —
Там счастье льется звонкими ключами.
Но смутный призрак часто прозреваю —
То старость мне мерещится почамн.

Изменчива судьба — и попадает,
Как мяч летящий, в рытвину порою.
Сплошного счастья в жизни не бывает,
Костер удачи не всегда со мною.

Как будто в воду рыбка золотая,
Нырнула осень в небо голубое.
Жива любовь. Бежит тропа земная,
Наполовину пройденная мною.

СНЕГ

В сквозную ткань из хлопьев серебристых
Закуталась окрестность. И опять
Весь белый свет — в топазах, в аметистах,
И любо солнцу по небу гулять.

Но вихрь шальной ворвался в сказку эту,
Оторопев, потрянул вихром седым —
И миг исчезли грани и приметы,
И чудо стало хаосом сплошным.

Следившие за снежной кутерьмою,
Окошки любопытные бледны:
На щеки их незримою рукою
Узоры впопыхах нанесены.

* * *

Как звук хомуса, солнцем налитой,
Вверху, в лазурном небе, трель слышна:
Там вьется, как листочек золотой,
Пичужка, что с земли едва видна.

Стою, внимая песенке простой,
Пытаюсь сердцем искренне понять —
Кого она меж небом и землей
Столь вдохновенно может воспевать?

ВСТРЕЧА С ДРУЗЬЯМИ

Сегодня я увиделся с друзьями.
Не разлучить нас. Будет так и впредь.
Согрето сердце добрыми словами.
Как важно мне в глаза им посмотреть!

Домой вернувшись, долго вспоминаю
Беседы наши... О, еще не раз,
Друзья мои, я с болью осознаю,
Как мне порою не хватает вас.

Не стало б одиночество напастью,
Сберечь бы нам старинной дружбы честь.
Кто объяснит мне: что такое — счастье?
Я знаю: счастье в наших встречах есть.

* * *

Старость врозь живет с забвением —
В ней столетий мудрость есть.
В серебре висков осеннем
О судьбе таится весть.

Кто свечой горел извечной
На земле, среди людей, —
Повстречается, конечно,
С давней юностью своей.

Не горюй же понапрасну,
Час закатный не кляни.
Лишь горение — прекрасно,
Ибо вечности сродни.

КОГДА НЕ СПИТСЯ

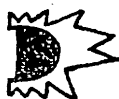
Полночной час пронизан тишиной.
Не спится мне. И вот, в который раз,
Вхожу я в мир, до боли мне родной,
Ищу я слов таинственную связь.

Там, в этом мире, расцветает вновь
Моя весна — блаженная пора:
Там — молодость и первая любовь,
Которая была ко мне добра.

Там — в чистом небе месяц молодой
О чем-то спор с Плеядами ведет,
Там облака, подьемаясь над водой,
Как кони, устремляются вперед:

Там — голоса родителей звучат
В мелодии хомуса, — и пойму:
С улыбками опять они сулят
В грядущем счастье внуку своему...

Косою женскою плавно расплелась
Ночная тишь. Наедине с душой
Ищу я слов таинственную связь,
Вхожу я в мир, до боли мне родной...

Там, где злится пурга, где метели витают
Над просторами тундры предвестьем беды,
Песня в сердце моем, что ни день, расцветает —
Да продлятся еще мои дни и труды.

Там, где злится пурга, где метелей немало
Пронесется в ночи над студеной землей,
От письма твоего в жилах кровь заиграла —
Обещаешь ты встретиться скоро со мной.

Там, где злится пурга, где метели рыдают
В отдаленном краю беспокойных лесов,
Байанай * временами меня навещает —
Соболей он всегда подарить мне готов.

Там, где злится пурга, где ярятся метели
В полумраке, с которым мы сжиться смогли,
Я стою на пути, где года пролетели,
Лебединою стаей теряясь вдали.

ПРИСНИЛОСЬ МНЕ...

Приснилось мне: стихи я написал,
Слова которых — музыка земная.
Во мне напев протяжный зазвучал,
В ликующую песнь перерастая.

От радости великой лес седой
Пустился в пляс со мной, что было силы,
И озерцо, блеснувшее водой,
Не выдержав, со мной заговорило.

Невесть откуда заяц-весельчак
В наш хоровод ворвался для забавы
И по траве, как мяч, запрыгал так,
Что уследить за ним непросто, право.

* *Байанай* — мифический дух (охотник), приносящий удачу, хозяин леса.

Я бросился к березам — и затих,
Движенье соков чуя под корою.
Не ветви, а девичьи косы! — Их
Я так любил расчесывать порою.

Приснилось мне: стихи я написал,
Слова которых — музыка земная.
Проснувшись, понял: где я ни бывал,
Всех ближе сердцу — сторона родная!

ПЕСНЯ О СОЛНЦЕ

Поднявшись ввысь,
Пресветлое, — сияй
Моей любимой
Радостной душою.
Вновь
Сети золотистые сплечай
Над чистою
Озерною водою.

Целуй же
Многоликие цветы
С горячими
Раскрытыми устами,
Пусть на деревья
С горной высоты
Нисходит зной —
Невидимое пламя.

Неугомонной рыбкою
Играй
В волнах пространства,
В синеве эфира,
Средь облаков плывущих
Отдыхай
В зените дня,
Как будто в сердце мира.

Прошу тебя:
Дружи с моей звездой,
Чей свет в груди
Я берегу так свято
Залогом речи,
Связанной с судьбой,
Чтоб песнь была крылата.

* * *

С высокими ночными небесами
Вступает в разговор мое окно.
О чем они беседуют часами?
Постичь мне эту тайну не дано.

Коль до утра расстаться не желают,
Обоим встреча, видно, впрямь мила.
Но вот уже и ласточки летают,
Как вестницы полдневного тепла.

Окно и небо тянутся к озерам...
Ну кто друзей сумеет разлучить?
А время все идет за разговором,
Не обрывая светлых мыслей нить.

ПРОБУЖДАЕТСЯ ГРОМ...

Пробуждается гром
Где-то в далях небес,
В облаках,
Образующих круг.
Как парнишка,
По ягоды посланный в лес,
Начинает
Резвиться он вдруг.

Но смотрите-ка —
Вот он уж грозно ворчит,
Облака
Разгоняет кругом,
Что летят наобум —
Благо, ветер их мчит,—
Изливаясь на землю
Дождем.

Небеса размышляют:
Какую бы в тон
Подобрать им
Сорочку сейчас? —
Вяжут галстук
Из радуги ясной потом,
А лазурь им пойдет
В самый раз

Там, где грозный
Прибой океанский гремит,
Вспышки молний
Над миром горят...
Наша молодость
Так же куда-то спешит —
И ее не воротишь
Назад.

С. А. Л.

Я помню чудное мгновенье.
А. С. Пушкин

Лишь завизжу, как ночью сквозь тучи звезда
Чуть забрезжит, безмолвно мерцая,
Нашей первую встречей живу я тогда —
И грущу, и томлюсь, вспоминая.

С той далекой поры неразлучно со мной
Светлой песни заветное слово,
И готов я бродить по округе ночной
Столько лет уже — снова и снова...

Часто снится мне: птицей я в небе лечу.
Беспокойны мои сновиденья —
В них услышать твой голос призывный хочу,
Для которого нету забвенья.

А случится, что гостем незваным зайду
В дом, где впрямь обо мне не скучают —
Фотографию взглядом твою я найду,
И замерзшее сердце оттает.

Все мне чудится: въявь предо мною сейчас
Ты возникнешь, как в сказках бывает, —
И в душе, что свиданья давно жаждалась,
Пламя новой любви запыхает...

* * *

Здоровый воздух, свежий, как кумыс,
Давай вдохнем, любимая, с тобою.
Смотри — над сопкой в небо поднялись
Слова живые песенного строя.

Пускай березы, серебром горя,
В снегу беспечный танец затевают,
Пусть золотыми крыльями заря
Обоих нас, ликуя, обнимает.

Давай дождемся ветра с гор — ведь он
Поведает о пуночках счастливых.
Пускай уверит, что хомуса звон
Все так же слышен в птичьих переливах.

Как воздух свеж! Мы пьем его с тобой.
Приволья здесь и радости так много!
Ты думаешь, что мчимся мы лыжней?
Нет, это к счастью светлая дорога!

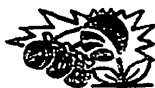

* * *

Войди как в ненаписанную оду,
В декабрьскую тайгу — хрустальный сад.
Услышишь ты: поет морозный воздух,
Как в лете крылья гоголя свистят...

А небо над тайгой начнет камлать:
Все звездами засыплет невпопад.
И в северное тихое сиянье
Вдруг превратится этот звездопад.

Нет, не предашь забвению тайгу ты,
Ее всю жизнь, как космос, постигай...
Вот почему и влюблены якуты
В свой северный неповторимый край.

* * *

Звезды, словно озорная детвора,
Разыгрались, будто стали футболистами,
Мимо поля, мимо нашего двора
Отфутболена луна по небу мгlistому...

А земля, считая звездные часы,
Голубая, озорная, но не праздная,
Под жемчужною накидкой из росы
Убегает, убегает в утро ясное.

И луна, прервав погоню и игру,
Применяет свой прием, вполне дозволенный:
За горами где-то падает к утру,
Словно мяч, в окно чужое отфутболенный.

Узнать, разведать, как да почему,
Все норовят, притом со страшной силою...
Откуда ты взялась в моем дому,
Когда и где нашел тебя такую красивую?

Где, кто, когда?.. Об этом разве речь?
А как случилось, я и сам не ведаю.
И не считаю светлую из встреч
Я ни твоей и ни моей победою.

Я помню, что стоял среди берез.
И дождь прошелся шумный, быстроногий;
Он радуги на небе вознес,
А убежал без цели и дороги.

И мой дымок повис над головой —
Дымок от дымокура, синий-синий...
И я тогда слышал голос твой —
Ты с песней вышла из лесу богиней.

О, не тогда ли на исходе дня
Счастливейшие мной мгновения прожиты?
Робея, ты взглянула на меня
Так, словно взглядом спрашивала: «Кто же ты?»

ЛЮБЛЮ Я ДЕВУШЕК

Люблю я милых девушек,
Представьте, до сих пор,
Люблю я милых девушек...
Признание не укор.

Они на свет рождаются
От утренних лучей,
Мир покорить пытаются
Теплом своих очей.

Они — от звезд мерцающих,
От голубых вершин...
Их глаз неугасающих
Страшусь не я один.

А может, на лужайке
Сошли они с цветов —
Красавицы-зазнайки
Различных возрастов.

И все же милых девушек,
Люблю я до сих пор...
Люблю я милых девушек —
И кончен разговор!

* * *

Снова в край родной вернулся,
Вот иду дорогою —
В солнце, в зори окунулся,
В детство босоное.

С рощ летит прохладный ветер,
Даль родимая, щедрая...
— Что ж никто меня не встретил? —
Спрашиваю ветра я.

Он умчал, шалун известный.
Слышу, тем не менее,
В ясной синеве небесной
Жаворонка пение:

— Ты остановись, взгляни-ка,
Никого не слушая.
Вон, встречает земляника,
С плеч росу стряхнувшая.

Вновь ты в край родной вернулся.
Вновь идешь дорогою —
В солнце, в зори окунулся,
В детство босоное.

* * *

Я солнце пью огромными глотками,
Свою тайгу и свой простор любя.
О Родина, я новыми стихами
Здесь по утрам приветствую тебя.

Я солнце пью огромными глотками,
Я красотой природы потрясен.
И янскими любуюсь берегами,
Живу, пою с природой в унисон.

Я солнце пью огромными глотками.
И на аласе матери моей
Я до зари стою под облаками
В знак памяти умерших матерей.

Я солнце пью огромными глотками.
В себя его вливаю, как в чорон...
И ночь теперь моими же стихами
Приветствует меня со всех сторон.

* * *

Небо прозрачным большим колпаком
Там, в голубые дороги, уткнулось.
Таинством далее широких влеком,
Вглядываюсь — и душа встрепенулась.

Родина — фронт неизбывный труда...
Север — прозрачный алмазный осколок...
Тропы — дороги туда и сюда
Пересекают мой тихий поселок.

Вот и волнуется сердце в груди,
Вот и становится сердце крылатым...
Что, мол, с тобою у нас впереди:
К злу ли, добру ль расщепляется атом?...

Сердце зовет по дороге любой:
К БАМу — к достойнейшей стройке на свете
Или сквозь вечный простор голубой
К звездам сияющим — в быстрой ракете...

Родина, слышу твой зов и наказ! —
Сердце откликнулось песней земною.
И в этот век, в этот день, в этот час
Даль голубая моя — предо мною.

Строить готов я свой Североград
В грохоте новых карьеров и штолен.
Родина, встану на пост, как солдат,
Там, где я быть в наше время достоин.

РАННЯЯ ЗАРЯ

Ранняя заря. Покой в селениях.
Не сошла еще земная тень.
Но охотник мчится на оленях,
Отворяя двери в новый день.

Ранняя заря. А это сборы
Звезд последних из былой ночи.
Потихоньку обнимают гору
Солнечные первые лучи.

Ранняя заря... И даль нетленна!
Сквозь туман нетронутый идем.
Он уйдет с дороги постепенно,
Он вернется проливным дождем.

Ранняя заря. Не в этот миг ли
Говорим признания слова?
В жизни мы ко многому привыкли
И не замечаем волшебства.

Ранняя заря. Не из нее ли
Вдохновенье черпает поэт,
Ощущая радости и боли?
Не за ней ли следует рассвет?

ЯНСКОЕ ЛЕТО

Здесь солнышко с красавицей луной
На небе голубом всю жизнь встречаются,
Над северной над янской стороной
Они неделями не разлучаются.

И странствуя все лето по горам,
Они даруют счастье горным склонам.
Они под стать на свете двум кострам.
Они поистине под стать влюбленным.

Не оттого ли в лучший свой парад
Природа в это время наряжается:
Вокруг бруснички-бусинки горят,
Дождю гулять все лето разрешается.

Гроза и ливень в барабаны бьют —
Друзьями в мир идут они старинными.
И радуги цветные предстают
Гигантскими бровями глухариными.

Есть сердце в каждом венчике цветка:
Извечны, неизбежны ожидания...
И с помощью шального ветерка
Цветы друг другу шлют свои послания.

ГОРЫ В ДОХЕ ИЗ БРУСНИЧНЫХ КУСТОВ

Вот они замерли все предо мною —
Горы в дохе из брусничных кустов.
Следом за молодостью — за весною —
Снова по тропам шагать я готов.

Ну, а весна свое горное эхо
Жаждет догнать на вершинах крутых.
Вот и хитрит, чтоб добиться успеха,
Вечера, сумерек ждет золотых.

Знаю, когда-нибудь кончатся тропы...
Молодость бросит меня и уйдет,
Снежные замети, горы-сугробы
Вмиг у меня на висках наметет.

Только я верю, весна, ты не злая.
На день вернешься — вновь буду готов
Выйти туда, где лежат, отдыхая,
Горы в дохе из брусничных кустов.

* * *

Утро занималось надо мной.
Лиственница распускала хвою.
Шел я в лес. И самый первый зной
Незаметно следовал за мною.

Вдохновенный слушал я рассказ
Всех истосковавшихся кукушек.
Там цветистым ковриком алас
Расстелился до лесных опушек.

А березка в стороне лесной
Косы предо мною распускала.
Солнышко с улыбкой озорной
Плавню поднимаясь, заблестало...

Там я слушал уток воркотню,
Что гнездятся в кочках приозерных...
Но сто раз завидую на дню
Песням птах поистине упорных...

РУЧЕЙ

Как сметана, принесенная
Из прохладной кладовой,
И как песенка стозвонная,
Ты, ручей кудлатый мой.

Ты имеешь душу нежную
И надежную вполне,
Если ивушку прибрежную
Наклонил к своей волне.

Ты, как те стихи заветные,
Что сродни природе всей.
Ты, как вечные и светлые
Имена моих друзей.

* * *

Нежными-пренежными руками
Ты коснулась моего лица.
Здесь под солнцем и под облаками
Случаю доверены сердца.

Светлыми-пресветлыми очами
Ласково взглянула на меня:
Сердцу, оробевшему вначале,
Ты теперь прибавила огня.

Робко, чуть заметно улыбнулась
И почти неслышно позвала,
В сторону мою слегка качнулась,
Как под ветром стройная ветла.

К ЗАРЕ, СКВОЗЬ ШОРОХИ ЛЕСНЫЕ

Пойдем, пойдем, сквозь шорохи лесные,
Пока душой и сердцем не глухи.
Найдем слова, как гроздь навесные,
И это будут лучшие стихи.

Пойдем, пойдем к озерам и аласам,
С цветами мы поговорим в тиши.
И жаворонкам — мастерам и асам —
Мы песни спеть поможем от души.

Пойдем, пойдем к заброшенным жилищам,
Откуда дед переселился в дом.
Мы коновязи древние отыщем...
И ты невольно спросишь: — А потом?

Пойдем, пойдем. И я тебе отвечу,
На полуслове лишь не оборви.
Пойдем, пойдем земной заре навстречу —
Навстречу неизведанной любви.

* * *

С бледной луны — со старинного блюда —
Льется расплавленное серебро.
Дым над трубою. И звезды смеются,
Свет из окна мне мигает хитро.

Чтобы с тобой оказался я рядом,
Видимо, мысленно ты позвала.
Вот и иду я, прикованный взглядом
К тихой избе на краю у села.

Лунным избушка обласкана светом.
Я понимаю шалунью-луну.
И, вопреки деревенским запретам,
Дай-ка, я просто в окно загляну.

«Выйди, родная, — кричу я безмолвно, —
Руку подай с голубого крыльца,
Чтоб эти лунные — звездные волны
С песней ударили в наши сердца.

Чтоб мы пошли, обнявшись, говорили...
В лунном сиянии, словно в дыму...
Чтоб мы дорогу с тобой проторили
К счастью неведомому своему».

С бледной луны — со старинного блюда —
Льется расплавленное серебро.
Дым над трубою. И звезды смеются.
Свет из окошка мигает хитро.

ЖАВОРОНОК СВИЛ СЕБЕ ГНЕЗДО

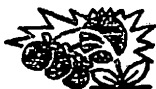
Годы, годы — как удары ветками...
Я уже немолод, на беду.
Но по стежке, проторенной предками,
Все же на свидание иду.

Тайны открывает мне природа:
Все вокруг успело расцвести,
Пишется восторженная ода
Яркими цветами на пути.

Солнечные нити золотые
Стали светомузыкой земли.

Я иду. Озоном залитые,
Травы зазвенели предо мной.

Годы, годы... С зрелостью в соседстве
Без моей любимой я — ничто.
На аласс, где играл я в детстве,
Жаворонок свил себе гнездо.

РАССТАВАНИЕ

— Будь счастлив, милый! — ты сказала мне
Словами наилучшими на свете.
Меня поцеловала при луне
И убежала, обнимая ветер.

— Будь умницей! — живут во мне слова,
Я слышу их, когда в слезах и муках
Рванулась молодость моя сперва,
Но растворилась в этих нежных звуках.

— Будь лучезарным! — это тоже ты
Сказала мне в последний миг разлуки.
Я к облакам, что смотрят с высоты,
С надеждою протягиваю руки.

Напоминаю я березу ту,
Что в тундре постепенно засыхает.
Остался я, обнявши пустоту,
Как снег, что жаждет солнца, но не тает.

ТЫ СОБИРАЛА ЯГОДЫ НА ВЗГОРЬЕ

Ты собирала ягоды на взгорье,
У солнышка родного на виду.
Давно то было. И себе на горе
Сегодня я тебя, как прежде, жду.

Сижу у той развесистой березы,
Где солнечных лучей гнездится рой,
Где мы с тобой переживали грозы,
Где ты любила отдыхать порой.

Вот озеро, как зеркальце-подарок.
Пейзаж по отражению знаком:
Здесь на луну, что разноцветьем ярок,
Ты бегала, бывало, босиком.

Мечтания и яркие виденья
Степенно проплывают предо мной.
Настойчиво сижу и жду весь день я...
С закатом солнца отступает зной.

Своей тропой (где та былая легкость?)
Иду один, вздыхая и пыля...
Испытывая предо мной неловкость,
Туманом укрывается земля.

* * *

Страшный миг нелепой разлуки,
Словно все окунулось в ночь.
Кем придуманы эти муки,
Если мир не в силах помочь?

Может, ты всего лишь уснула?..
Иль покинула просто дом?..
Время по сердцу полоснуло
Чьим-то самым острым ножом.

Солнце раскошегарил кто-то.
Навалились беда и зной.
Ну а ты, в черной рамке фото
Молчаливо следишь за мной.

Только я не один на свете:
Я, разлукой этой томим,
Понимаю, что наши дети
Продолженьем стали твоим.

СОН

Дивный сон... Гремит весенний гром.
Крылья мне даны — я их приемлю.
Обернувшись молодым орлом,
Облетаю всю родную землю.

...Вот я поднимаюсь выше гор,
И они застыли отдаленно.
Светлые глаза моих озер
Загляделись молча, удивленно.

Реки и долины хороши.
Расцвели и смело приглашают:
«Ну куда ж ты, птица? Не спеши!
Разве здесь красоты не прельщают?»

Взгорки наряжаются в венки,
Ароматные, из земляники.
Мне навстречу — все вперегонки.
Следом — приглашенья, вздохи, крики...

Где-то у планеты на краю
Я стою, не удивляясь грому.
Не найдя любимую свою,
Устремляюсь я обратно, к дому.

Не успел еще открыть дверей—
Молния сверкнула где-то сбоку...
Это младшая из дочерей
Путру поцеловала в щеку.

* * *

Злое, унылое облако—память,
Ну, проходи, проходи стороной...
Не погасить души моей пламя,
Хоть и весь день ты висишь надо мной.

Снова весна на зеленом пригорке
Просит махнуть на бывшее рукой.
Снова глазёнки подснежников зорки,
Ты для чего их туманишь тоской?

Снова петляют земные дорожки.
Снова цветению радуюсь я.
В ультразеленые чудо-сережки
Принарядились лесные друзья.

Облако-память, ступай-ка в бывшее!
Солнце взлетает весеннее ввысь...
Все, что мне видится, облако злое,
Не загораживай! Посторонись!

* * *

О сердце, ты не трепещи,
Как рыба, загнанная в сети.
Минут минувших не ищи,
Которых нет уже на свете.

Вы, Верхоянские хребты,
Пустите ветер на свободу—
Мной приготовлены листы,
Чтоб написать иную оду.

Друзья, наполните со мной
Все драгоценные чороны.
И пусть же сквозь жестокий зной
Прольется дождь в цветы и кроны.

И, значит, сердце, не спеши
На вывод дерзкий, но не точный...
В глубоком омуте души
Есть и глоток любви проточной...

ПРОШУ ТЕБЯ, ЛУНА

Солнце к вечеру укатилось
В золоченую урасу.
В пламень озеро нарядилось,
Берега оделись в росу.

Хорошо мне. Не мой двойник ли
Ты, луна, на том берегу?..
Отчего же березы сникли,
Словно лебеди на лугу?

Хорошо, что смеются дали,
Что поют аласы, луга...
Вот пришла луна — заблестали
Ягод ранние жемчуга.

Хорошо, что живу на свете...
Ты свети, луна. Ты свети.
Здесь летает бродяга — ветер,
Всех целующий на пути.

Хорошо, что молодость рядом,
Хоть не всякому и видна...
Посмотри на мир ясным взглядом.
Ну, прошу я тебя, луна.

ПИСЬМО ОТЦА

«Ты постепенно забываешь нас.
Приехал бы скорей, сыночек, в гости.
Не прозевай, когда наступит час—
Поднимут наши золотые кости.

Бегут года, а я и хил, и стар,
Так непослушны стали мои ноги.
А мать твоя все ставит самовар,
Увидя проходящих на дороге.

И вечно ожидание у нас,
Поскольку на дороге — вечно пешие,
И мать твоя украдкой всякий раз
Твое письмо целует пожелтевшее.

Сыночек, приезжай же, как-нибудь.
Мы ждем тебя, надеемся пока еще.
Да младшенькую внучку не забудь
С собою привезти, как луч сверкающий».

Письмо иль крик родителей моих
Я прочитал. И сильно взволновался:
Считал и помнил молодыми их.
Я бросил все — и тут же в путь собрался.

* * *

Сегодня утром сквозь мое окно
Мячом влетело озорное солнце.
Оно, как в детстве, как давным-давно,
Подпрыгивая, по полу несется...

На свадебное фото на стене
Вдруг загляделось солнышко спросонок—
И тут же посерьезнело вполне,
Как самый любознательный ребенок.

И (показалось, даже мир притих)
Сквозь золотые ясные ресницы

Смотрело долго на детей моих,
Которым сон еще веселый снится...

И вот на серебро моих волос
Оно взглянуло на одно мгновенье—
Застыл во взгляде солнышка вопрос
И навсегда застыло удивленье...

ОСЕНЬ

Рассеянно меня встречает лес,
Развесив озорного солнца блики,
Усыпав тропы чудом из чудес—
Сверкающими гроздьями брусники.

Осенняя прозрачность разлита
Вокруг ствола, как поднятого жезла.
И зелени вчерашней острота
С долин, аласов и лугов исчезла.

Безоблачное небо предо мной—
Подобие огромного кристалла.
Расслабилась река и с тишиной
Сроднилась, будто выдохлась, устала.

А ночью туча — небесам сестра
Идет-бредет по каждому оврагу.
И засыпает молча до утра—
Грибному перелеску дарит влагу.

И снова синева через края.
И ливень счастья льет на тропах личных.
И осень разрисована моя
Узорами из кустиков брусничных...

ДОБРОЕ ЯНСКОЕ УТРО

Утро отменное—янское утро,
Как материнская ласка. Весной
Ты предстаешь вдохновенно и мудро...
Ясностью славишься и новизной.

Доброе янское утро. Когда-то
Понял я многое в блеске лучей:
Ты, как приветствие друга и брата,
Ты, как улыбка любимой моей.

Янское утро. Так снова и снова.
Ясным восходом горя предо мной,
Ты вдохновляешь на поиски слова
Для моей искренней песни земной.

МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ

Мне показалось, что клест поет—
голос любимой, как оказалось.
Мне показалось, что солнце встает—
взор моей милой, как оказалось.

Золото с веток в осенних лесах
сыплют осины — мне показалось:
пальцы любимой в моих волосах
тихо блуждают, как оказалось.

Небо колышет, словно платком,
шелковой тучкой — мне показалось:
милая любит плести рядком
косы густые, как оказалось.

Мне показалось, что грудь моя
с ветром аласа соприкасалась,—
Это с любимой кружился я
в ласковом вальсе, как оказалось.

Мне показалось, меня унесли
в кущи эдема. Мне показалось!
Это мы слились, не чуя земли,
в сладком объятье, как оказалось...

ЕСТЬ У МЕНЯ УКРОМНЫЙ МИР

Но только лиры милой не отдам...
С. Есенин

—Ты завладеешь мною без остатка,
покажешь много мне чудес и див,
в хоромы, может статься, для порядка
введешь, от нищеты отгородив.

Ну, ладно, я согласен, мы сочтемся.
Нет без любви у нас с тобой ни дня
на зависть всем. Ближайшего потомства
стоит веселый шум вокруг меня.

А жизнь прожить, идя от веки к веке,—
не поле перейти. С побитым лбом,
из неудач черпая успехи,
мы новых шишек множество набьем.

Дорога жизни — долгая дорога,
я разделю с тобой, пока живой,
все то, что мне даровано от бога.
Ты завладеешь без остатка мной.

Но знай, что и под кровлею хоромной
есть мир, куда не вхожа даже ты,
есть у меня незримый мир укромный,
участок боли, счастья и мечты.

НАКАРКАЛИ

Вот и случилось это расставанье...
Кто так черно меня околдовал?!
Не вижу света белого, в тумане
плутаю, душу холод оковал...

Мы жили хорошо, других не хуже,
и я ходил в тайгу, несуетлив,
и часто ночевал в дремучей стуже,
добычливым охотником прослав...

Казалось, жил я просто и толково
и за собой не чувствовал вины,
не обращал вниманья никакого
на колкости по адресу жены...

«Протри глаза, пока еще не поздно...» —
сказал мне дальний родич как-то раз.
«Жена твоя сияет слишком звездно...» —
попал случайный гость не в бровь, а в глаз.

Накаркали, — жена ушла, невинна
в словах: «Чиста пред богом и людьми,
люблю другого, оставляю сына —
его холодной кашей не корми!...»

Вот и случилось это расставанье.
Измена... Ничего не смысла в ней,
не вижу света белого, в тумане
плутаю, — что измены той черней?..

ПРОШУ ТЕБЯ

Прошу тебя не гневаться. С утра,
в такую пору, с самого начала
я обещал, что, в поисках добра,
высокого достигну перевала.

Прошу тебя не гневаться. Когда
сгустится вечер, надо расплатиться
с долгами — не сгореть бы со стыда,
когда омрачены родные лица.

Прошу тебя, особенно теперь,
не распаляться гневом злоязыким,
но лучше ты опять в меня поверь
и радостям способствуй невеликим.

ИНЕЙ

Иней на твоих ресницах,
чистый, словно пух лебяжий.
В сердце у меня гнездится
песня, слушая себя же...

Где там горе? Было-сплыло.
Полыхая на востоке,
там себя же запалило
солнце, как костер высокий.

Там согласие и веселье,
и, танцуя над веками,
там созвездья запотели,
утираясь облаками.

Там бродяжит по дубравам
ветерок в полете птичьем.
Там попрятались по травам
тельца юных земляничин.

Лучше нет, когда ты рядом,
рядом и не на чужбине,
и с лучистым слился взглядом
на твоих ресницах иней.

БЕЗ АДРЕСА

Опять обдав меня тупым ненастьем,
своим неумолимым чередом
беда — я не впустить ее не властен—
вошла в мой дом.

В недобрую минуту, в час недобрый
я в жизнь пришел, на эти берега.
Когда же перестанет бить под ребра
меня жестокая пурга?

Нет логики, судьба непостоянна
на черно-белом поприще земли.
Печаль моя—пожизненная рана,
скоростижны радости мои.

Мне не впервой — осиротел под старость...
О, мой родимый дом, не обессудь!
Любовь моя без адреса осталась,
хозяйку не вернет возвратный путь...

ГЛАС ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ

К немому замшелому камню
влечет мою мысль почему-то,
он в сердце вонзился, пока мне
тоска угрожает и смута.

Будь нынче моя молодая
пора, — о, единственный случай!—
стрелой полетел бы туда я,
где высится камень над кручей.

О бремени лет помятуя
и потеряв непреложно,
к безгласному камню иду я
опасливо и осторожно.

Из бездны времен допотопной
на камне мерцают поныне

какие-то знаки, подобно
гусиному следу на глине.

Глазами прочту, напоследок
ощупаю тайные знаки.
О чем мне поведает предок,
чтоб я не скитался во мраке?

«По воле господней бездетен,
я жил хорошо и безбедно.
Я встал перед идолом этим,
дабы не исчезнуть бесследно.

Я камень, не шляясь без дела,
поставил своими руками.
А жизнь моя вдаль улетела,
как всадник, летящий веками.

Какая-то в камне отрада
явилась душе одинокой.
Он вместо любимого чада
овеян любовью глубокой.

Не знаком беды постоянной,
но знаком надежды великой
о жизни моей безымянной
поет истукан безъязыкий.

Он, глядя в полярные дали,
живее травы над могилой.
Мы воздухом общим дышали,
нам общее солнце светило.

В грядущих столетьях, быть может,
где будет счастливых без счета,
мой камень кого-то встревожит,
и мне посочувствует кто-то...»

И сердце метнулось по клетке
грудной, письма понимало,
в которых — суровые предки,
хлебнувшие горя немало.

ИЗ-ЗА УГЛА

*Светлой памяти брата
Петра Горохова*

Опять, судьба, ты потрясла меня.
Какая весть ужасная пришла...
Доколе будешь бить из-за угла?
Опять ударил гром средь бела дня.

А золото и медь горят в лесах,
осенняя тоска обнажена.
В моих иссиня-черных волосах
до времени пробилась седина.

Заглянет солнце в глубину жилья,
и отвлечется от ребячьих дел
дочурка востроглазая моя:
«Ты черной ночью, папа, побелел!..»

Пусть сердце незлобивое ее
не тронет зябкий иней в ранний час.
А мне бы горе горькое мое
перенести, не осушая глаз...

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Днем с огнем у него не отыщешь
ни единого свойства дурного.
Слов использует несколько тысяч—
ни единого глупого слова...

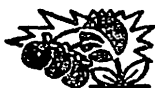
Ни красавчиком и ни уродом
не назвать его, любит порядок,
скромно держится, перед народом
не являет безумных повадок...

Удивительно только, пожалуй,
что семьи не завел он с годами
и с беседой, вполне моложавый,
не подсядет к молодке иль даме...

Было дело, утехами тела
занимался легко и мобильно...
Но горячая кровь охладела,
снег на голову выпал обильно...

При чинах и далек от веселья,
как бы ни были поводы яркие,
даже вкуса табачного зелья
он не знает, не выпил ни чарки...

Не прославиться, не осрамиться
человеку такого закала.
С чем костер непонятный сравнится?
Только светит — не греет нимало.

* * *

Старость — не проклятье, а резон
мудро дошагать тропой тернистой.
Знак судьбы, закатом озарен,
в седине сияет серебристой.

Кто горел, светя хотя б свечой,
тот не помнит горьких сожалений,
ибо счастья вкус познал с лихвой
и дождался новых поколений.

ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ

Нет, не прошу я у судьбы
незаработанного счастья,
ни полной золотом суммы,
ни сладкой чаши в час ненастья.

Нет, не желаю вымогать
у жизни снов, чреватых славой,
чтоб стал мой стих в веках сиять
и памятник мой величавый...

Нет, не намерен я с колен
вымаливать бессмертье это.
Не лилия, не цикламен —
ромашка мне украсит лето.

Что бронза, золото, медь
Мне на пути моем суровом?
Хотелось бы одним владеть —
родительским якутским словом.

Простое счастье нужно мне,
мною заработанное лично,
чтобы с другими наравне
жить и дышать вполне обычно.

Найти бы мне в родном краю
благополучия картину
и, вспомнив молодость свою,
помочь на перепутьях сыну.

ПРИЧИНЫ ПОСТАРЕНИЯ

— Почему стареют люди? —
вопрошают времена.

— Что с березкой? — спросит речка. —
С треском падает она.

Люди, истинно, стареют,
помрачнев душою, в осень.
Люди, истинно, стареют
в молодой истоме весен.

От восторга, от напастей,
от избытка, от щедрот,
от хлопот, которых, к счастью,
постоянно полон рот.

От ошибки самой малой,
от любви, от игры...
Не стареем мы, пожалуй,
лишь от смеха детворы.

ПИСЬМО

Я от поэта получил письмо
с десятком слов... Не холодно не жарко?
Нет, не было, скажу, припасено
и в детстве мне подобного подарка.

От теплых слов — став жарче — без ума
мой комелек. Воистину бесценны
слова такие, коли ток письма
приподнял потолок, расширил стены.

Найду ли равноценные слова,
в которых есть достоинство от века,
чтоб радость, распаленную сперва,
облечь в поток разумного ответа?

За белоснежной близью письмеца —
сиянье синевы высокогорной.
С ответной верой в сердце до конца
потопая дорогою неторной.

НА ВЫСОТЕ

Я на вершине жизни грозной
не чахлым деревцем расту,
в палящий зной, во мгле морозной
пою, вращая в высоту.

Там блещет слово самоцветно,
и, составляя мой улов,
там птица времени приветно
стрелой влетает в сети слов.

Там снегирами в дымке белой
мерцает Млечный Путь, горя,
там земляникой, в пору спелой,
пылает алая заря.

Там на скале, минуя скаты,
цветок любви расцвести готов,
там плещется Пегас крылатый
в хрустальном озере стихов.

Я на вершине жизни грозной
не чахлым деревцем расту,
в палящий зной, во мгле морозной
пою, вращая в высоту.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ КАПЛИ

Великолепные капли, танцуя,
в солнечном блеске поют отовсюду.
Пляской и пеньем охвачен, пойму я,
что сохранен я для радости буду.

Светятся чистые-чистые глазки
капель, исполненных ласковым смехом.
Слышу о счастье чудесные сказки,
тысячу раз повторенные эхом.

Сто состязаний пройдет перед нами
около речки с напевом подледным,—
не на одной ли ноге прыгунами
капли кипят, как на пире народном?*

* Юноши состязаются, прыгая на одной ноге, на празднике кумысопития.

Юная их вдохновляет березка,
белая-белая, пуночки вроде.
В трепете береговая полоска—
с часу на час прогремит половодье!

Великолепные капли, сверкая,
плещут в долу и на релочном склоне.
Вспыхнут цветы без конца и без края,
к пляшущим каплям протянут ладони...

БЫВАЕТ ВСЕ

Бывает все. Неясные печали
ворнутся в дом, взорвав его покой.
Залезут в душу, требуя деталей,
и с детским видом тащат на убой...

Бывает, грозowymi облаками
обложат небеса, весь окоем,
а то и в яркий полдень, в птичьем гаме
цветочным вдруг обрушатся дождем...

Вот и пойми печалей наших лица...
Но дверь моя распахнута всегда:
пусть входит жизнь, врывается, струится,
цветет и пахнет — радость и беда!

РАЗГОВОР С СОБАКОЙ

Тихий и холодноватый
прибыл вечер, солнце село
за верхи тайги зубчатой.
От ходьбы устало тело.

Посреди тайги дремучей
на лужайке, на привале
жгли костер и пили жгучий
чай—неспешно вечеряли.
Тени выросли. Светилась
серебром росы лужайка.
На огонь костра явилась
на разбитых лапах лайка.
Не блеснула нам клыками,
грусть-тоска в собачьем взоре,
шерсть висит с боков клоками,
вся она—сплошное горе.
— Ну, поведай без утайки,
пес, о чем твоя забота.
Одинокой плохо лайке?
Сгинуть в дебрях неохота?
Долго ли плутала в чащах?
Как себе набила шишки?
О печалях настоящих
знаем мы не понаслышке.
Успокойся. Коли снова
меж людей, иди в объятья.
Отдохни, поешь мясного.
Мы всему живому — братья.
...Звезды светятся из мрака.
С головы до ног чумаза,
спит приبلудная собака
и охотники—вполглаза.

В СЕНИ ДУБРАВЫ

Ты жил в сени вечнозеленой,
шумящей, солнечной дубравы,
где дом воздвиг душе бессонной,
уже не требующей славы.

Ты сам нашел поляну эту
среди берез, семье подобных,
семье принадлежащих свету
сестричек единоутробных.

Озер цепочка золотая
блестит для тех, кто помоложе,
и стрехи, мимо пролетая,
там притормаживали все же.

Там водополье, пир весенний,
мир ароматов, красок влажных,
на птичьи гнезда пали тени
от облаков многоэтажных.

Ты жил в сени вечнозеленой,
шумящей, солнечной дубравы.
Стихи полны души бессонной,
а имя не избегает славы.

РАННЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Пробуждаться я стал в необычную рань:
непонятное что-то творится в судьбе,
не видать горизонта, откуда ни глянь,
век живи — век учись удивляться себе...

Пробуждаться я стал в необычную рань:
словно дети умытые, звезды блестят,
и трубит северняк, потрясает елань,
нежный тундровый снег унося на закат.

Пробуждаться я стал в необычную рань:
туча дум невеселых легла на висок,
старый филин, устав оглашать глухомань,
попадаетея сослепу в жесткий силок.

Пробуждаться я стал в необычную рань:
в должной степени зло и добро оценив,
материнская заповедь, как ни чеканя
этот стих, все сильнее обжигает меня...

ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА

«Ты пришел ко мне в последний час...
Видишь, как я плох, уже не встать...
И добро, и зло, не пряча глаз,
ты успел на свете повидать.

Не без добрых этот мир людей,
и найдется верная рука.
Нынче младших братьев обогрей,
Петьку пожалей, баловника...

Ты пришел ко мне в последний час...
О предназначенье не забудь:
мы, отцы, не вышли за алас,
у тебя — иной, похоже, путь.

Наше имя только ты б и смог
пронести потом, в расцвете сил...
Задержался дома бы, сынок?
Смотришь, на охоту бы сходил?

Испокон веков обычай есть:
подойдя к смертельному концу,
мне бы свеженины той поесть,
что любимый сын принес отцу».

Смолк отец... Неспешно облака
проплывали, как заведено.
Продолжалась жизнь. Из комелька
пело пламя, мной подживлено.

ПУРГА

Закружилось небо яро
обезумевшей кликушей!
Рухнул лед у крутояра,
словно мамонтовы туши.

Смотрит речка детским взором,
расширяются разводья.

По гольцам и косогорам
снег струится, колобродя.

Лес, ожив, тысячестью
гнется долу, где, суровы,
взбрыкивают недовольно
исхудалые коровы.

К водопою на рассвете
мчат коровы, остробоки!
Чтобы лед согнать, в предлетье
выюги Севера жестоки.

В юрте предков льются эти
благодарственные строки.

ПОСЛОВИЦА

«Добрый молодец, как лихой скакун,
должен трижды упасть и встать».
Так сказал мудрец и народный ум
повторил, мудрецу под стать.

Отчего-то эти слова звучат;
днем и ночью нейдут с ума.
Рождены они тыщу лет назад,
это жизнь говорит сама.

Неподъемный груз на моем горбу
образуется, путь далек—
сотней судеб, взятых в свою судьбу,
я по сотням несу дорог.

Может статься, собственною стезей
завладею и встану в рост...
И, верхом на облаке, молодой
месяц высечет песню звезд.

Потому в кругу молодых, остер
на язык, намекну слегка,
что пословица, как большой костер,
много требует сушняка...

ОЖИДАНИЕ

Долго-долго, дорогая,
жду-пожду и не пойму—
где-то пуночкой порхая,
не примчишься почему?

Тишина сошла в печали
на возлюбленный алас.
На шелку небесной шали
колокольчик не погас...

На твоей тропинке влажной
бусы рос еще светлей.
Льется ноченька протяжной
песней матери моей.

Урожденный за лесами,
ветер прилетел во мгле—
эти бусинки слезами
покатились по земле...

Долго-долго, дорогая,
жду-пожду и не пойму—
где-то пуночкой порхая,
не примчишься почему?

НЕВОЗВРАТНОЕ

Когда бы молодость шальная
в мою вернулась сторону,
когда бы в озере, играя,
ночную выловить луну—
я б закричал: — Эгей! Эгей!—
навстречу юности моей.

Когда бы набрести на тропки,
где шел к тебе по ветерку,
облечь стихами шепот робкий
волны на ухо тростнику,—
я б закричал: — Уруй! Тускул! — *

Когда бы молодость вернул.

Когда бы, как былые годы,
во тьме увидеть свет берез,
быть вхожим в тайники природы,
где говор птиц и грохот гроз,—
тогда б на пире бытия
воскресла молодость моя...

ДОЖДИК

*Октябрине Петровне
Скрябиной*

Сеется дождик с рассвета,
запахом веет парным.
В бусах небесного цвета,
травы унизаны им.

Звонко поет, вдохновенно
дождик, и стайка берез
бродит в траве по колено,
светится каплями слез.

* Уруй! Тускул! — Слава!

В звуках земного простора
слышен завет старины.
В жмурки играют озера,
радости общей полны.

Дождик ударил с рассвета.
Мне погадала чуть-чуть
матушка, верой согрета,
в дальний отправила путь.

Дождик струится с рассвета,
теплое льет молоко.
В бусах небесного цвета,
путь мой пролег далеко.

ОТ ПРЕДКОВ

Пускай в мое любое слово
войдет цветущее раздолье,
чтоб слово пело родниково
на вольной воле и в застолье.

Чтоб это слово, как бывало,
впитало каждое событие
и всех на свете созывало
на летний пир кумысопитья.

Пускай звучат, не зная плена,
мои лирические речи,—
в лесу, где стрех выводит племя,
сто чувств обнимутся при встрече.

Придет от предков это слово,
в котором слышен дух отважный
и пыл охотника лихого, —
когда шумит огонь очажный.

ОТЧАЯ РЕЧЬ

Словно бы в душу повеяло вдруг
духом весенней дубравы,—
отчую речь мой испытанный слух
с дальней поймал переправы.

Словно душа окунулась в росу,
стала короче дорога,
стая березок на чистом мысу
с песней идет белоного.

И в сновидениях, и наяву,
юных невест затмевая,
ты возникаешь — я снова живу,
отчая речь золотая.

Душу поднимешь над пылью дорог
ты, чудотворное слово,
счастья основа, нетленный залог
существованья земного.

ПОМНЮ

Светлой памяти матери

М. П. Гороховой

Помню угол в юрте ледяной,
хлопья снега на своей ладошке,
жаркий комелек, очаг родной,
где на рожках пек себе лепешки.

Помню, скрип саней издалека
слух мальчика ласкал в ночи бездонной
и мерцали стужа и тоска
в неживом луче луны бездонной.

Помню, как бывал я горд, ымдан*
для олонхосута** приготовя...
Древний мир, который родом дан,
жесткие запреты и условия.

* Ымдан — напиток из простокваши.

** Олонхосут — сказитель эпоса.

Мы лозу свивали на силок,
куропатов запросто ловили,
нам давал березовый колок
всю целебность чаги или свия.

Помню, помню первую капель,
капель вкус, их солнечное пенье...
Поседелый, я б хотел теперь
вновь ступить на школьные ступени.

Помню, как под школьный кров вошел,
пораженный солнечностью окон.
Не ропщу, что жребий мой тяжел.
Вновь грущу о жребии высоком!

УТЕСЫ НАД ЛЕНОЙ

Утесы над Леной обточены стужей
звонящих столетий, летят в высоту.
Похоже, туда же, на ту высоту же
неведомый предок отправил мечту.

Цветы собирают они, седовласы,
из пламенных зорь составляя букет,
и тени отбрасывают на аласы,
которым побудку играет рассвет.

Подобно ракетам, как в были нетленной,
рванутся с визитом к весенним громам,
и, нас обгоняя, утесы над Леной
купаются в ливнях под хохот и гам.

Как в сказке нетленной в объятья Вселенной
приходят герои, дыша глубоко
озоном бессмертья, — утесы над Леной
меня навещают из мглы Олонхо.

ПОЙДЕМ НА АЛАС ЗЕМЛЯНИЧНЫЙ

Пойдем на алас земляничный
на зорьке, еще при росе.
Нырнем в океан безграничный
сиянья в безмерной красе.

Пойдем на алас земляничный
в час полдня, в удушливый зной,
объявший весь мир безразлично
тончайшей своей пеленой.

Пойдем на алас земляничный
под вечер, смотря на закат,
где солнце уходит привычно,
как тысячелетье назад.

Идти бы в траве, на лугу бы
сквозь белую ночь, посмотри—
сливаются алые губы
на встрече зари и зари...

Хотел бы я жить незаметно,
в тебе раствориться готов,
чтоб рядом — алас мой заветный
в венце из плодов и цветов.

ХОДЬБА В ЛЕСУ

Они точь-в-точь похожи на олады,
что испекла умелая хозяйка,
ядренные грибы, которых ради
исхожены и роща, и лужайка.

А рядышком, на взгорье и в низине,
брусника зреет, ярко пламенея,
как бусы на витрине в магазине.
Ходьба в лесу — прекрасная затея!

Неся в руках тетрадку со стихами
оборванными, к маленьким озерам

шагаю, и за мной следит часами
лукавый месяц любопытным взором.

Серьгообразным камнем канет в воду,
гонец любви, ее чудес и тягот...
Кто ж зимнюю пророчит непогоду
в тени берез, в краю грибов и ягод?!

САРДАНА *

Прославленная алая сардана
в моей каморке вспыхнула, смутясь,
и ветерок, потерянный неожиданно,
оплакивает прерванную связь...

Я окружил почетом это диво—
стоит в хрустальной вазе у меня.
Я сахарную воду торопливо
три раза в день сменяю, семена.

Но как легко лицо ее увяло!
Старушечьих не закрывая щек,
она погасла, ей почета мало,
ускорить предпочла прощальный срок.

Вот что такое преданность отчизне,
родной земле... Сгорая со стыда,
мне горестно присутствовать на тризне.
Не оживет сардана никогда.

* Сардана — саранка.

ЯКУТЯНКА

Ходят волны, словно горы
голубого хрустала.
Вспыхнут щеки, вспыхнут взоры,
жажду сердца утоля.

Вспыхнут щеки, как сардана,
а смородиновый взгляд
льет у ленского лимана
реки песенных рулад.

Верхоянские отроги
рвутся к звездам, не устал
танцевать, сбивая ноги,
заполярный белотал.

Синь небесную глотая,
реет стая журавлей.
Якутянка молодая
при подснежнике — смуглей.

А подснежник и саранка
полны счастья по края...
Якутянка, якутянка,
якутяночка моя!

КАК ХОРОШО

Как хорошо, когда шипящий зной
сплошным потоком наземь упадет,
и дочиста хрустально-голубой
отмыт и прояснен небесный свод.

Когда грохочут почки, на глазах
сверкая с оживающих берез.
Когда, крупней наперстка, на цветах
работает пчела уже всерьез.

Когда оделась в девичий наряд
высокая тайга во цвете лет,

из красок, что пронзительно горят,
предпочитая самый сочный цвет.

Когда спешит в далекие места
река без промедленья и оков,
и выпадает эта красота
на круг седобородых стариков.

Как хорошо, когда шипящий зной
сплошным потоком наземь упадет,
и на душе — отрада и покой,
и дочиста отмыт хрустальный свод...

ПУНОЧКИ

Как же долго мы их ожидали!
Наконец прилетели они.
И с отлетом недавней печали
вспоминаются зимние дни.

Если стужа трещит у припая,
если тундра во мгле холодна,
милых пуночек белая стая
мне в круженье снежинок видна.

Если выюгой охвачена тундра,
там, где ей предназначено выть, —
слышу пуночек, сердцу нетрудно
их серебряный звук уловить.

Вижу вестниц весны долгожданной.
Так бывало, так будет и впредь.
В глубине синевы первозданной
скоро жаворонкам прозвенеть.

БЛАГОДАТНОЕ ВРЕМЯ

Наряд, блестящий мехом лисьим,
Якутия моя надела,
и снегири снуют по высям,
звонкоголосы без предела.

А с ними, теплый и веселый,
явился ветерок, и вскоре
все горы обежал и доли
и дух мороза сбросил в море.

Мир пробудился, мы проснулись,
исполненные оживленья,
и стрелки к солнцу потянулись—
морозостойкие растенья.

Брусничник, распростясь со снегом,
уже забыл былую стужу,
Как Дева Айыы*, со смехом
подснежник выбежал наружу.

Петляя в дебрях непролазных,
звенит ручей еще несмело,
и стаи искорок алмазных
в воде сверкают то и дело.

Свежа весны благая сила!
В наряде огненного цвета,
суля стихи мне, посетила
мой дом заря, сестра рассвета.

НА ОСОХАЕ

— Уруй! Тускул! — всему живому
благословенье и хвала!
так начинается осохай,
якутский хороводный пляс.

* Дева Айыы — доброе божество.

От голоса певца воспрянут
душою люди и подхватят
друг друга под руки, чтоб дружно
продолжить пляскою запев.

— Пусть будут счастливы живые!
Пусть расцветут невесты краше!—
и люди в пляске хороводной
стремятся обогнать запев.

— Пусть будет мир! — они взывают.
— Пусть будет жизнь! — они желают,—
и запевалы главный голос
по кругу всех других ведет.

— Пусть птицы петь не перестанут!
Пусть мать детей с рожденья любит!—
круг хороводный все быстрее
развертывается, поет.

— Пусть дождь прибавит роста травам!
Пусть горе обойдет стороной!—
и все стремятся в бездну пляски,
все мчатся в вихре огневом.

Осохай — древний танец предков:
они-то знали, где собираться,
они-то знали, как сдружиться!
Распев, объединенный с пляской,
круженье, спаянное с песней,
мечта, сродненная с движеньем,—
вот что в наследство нам дано.
Живет бессмертно в поколениях
осохай — танец единенья
всего со всем: души и сердца,
земли и неба, дня и ночи,
луны и солнца перепляс.

СОН КОШМАРНЫЙ

Приснился сон такой, что я
привстал от ужаса и страха:
покойный брат явился мне.
Он был бездетный в этой жизни,
ушел бездетным в мир иной—
не смог он одолеть судьбу,
которая ему велела
не продолжаться на земле
носителями родовых заветов
черт, голосов, имен, привычек...

Быть может, потому мой брат
был темен ликом, был сутул,
когда явился мне во сне?
Я увидал, как он пришел
на родной могильник, возле
могилки, где лежала люлька,
остановился, на груди
скрестивши высохшие руки:
«Сюда меня всегда влечет
с какою-то необоримой силой.
Чем чаще прихожу сюда,
тем более душа пустеет,
хоть умер я уже давно...»

Я чувствую, что это — сон,
я чувствую, что сам-то жив я,
но волосы зашевелились,
сковал мне ужас руки, ноги,
и страх за собственных детей
согнул меня... И я проснулся—
и вижу, что я дома. Свет
струится из окон. Все тихо,
лишь липкий пот в глаза течет,
как след увиденного мною...

Отрада дней моих—семья.
От радости, что дети рядом,
легко мне задышалось: мир
мой нерушимым оказался.
Жена неслышно подошла
и, положив на лоб ладони,
остатки сна сняла, как будто
сама его со мной видала...

О старший брат мой дорогой,
оставил нас ты слишком рано
и в вечность не пророс детьми,
что пронесли бы в поколениях
твои черты, привычки, имя,—
с того и мучаешься ты
там, за пределом досягання,
вот и являешься живым
с неутоленной вечной болью.
Прости, что испугался я,
что, увидав тебя во сне,
задумался и я о смерти—
о том, что темень облаков
на солнце жизни наползает,
то ветер с ледяных гольцов
мне душу холодом пронзает...

МОЕМУ НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЮ

Не надейся и не жди,
я не пропаду, не сгину,
а горячею смолой
к правде жизни прикиплю:
брать препятствия люблю!

Не лови дурные слухи
обо мне и не востри
падкие на сплетни уши:
нынче, завтра, как вчера,
в жизни я ищу добра!

Не злорадствуй, если я
отступился иль ошибся,
я ведь тоже человек:
заблудившись, как-нибудь
выберусь на главный путь!

И не радуйся, что мне
дал подножку, бросил наземь,
очернил в глазах людей:
злость во мне ты обновил—
на работу вдохновил!

НОВЫЙ ДОМ

Семену Руфову

Выстроил все-таки я этот дом:
На работу вдохновил!
выбрал лесины из самых отменных,
выстрогал их, проявивши рисунок
жил и волокон, — спасибо тебе,
Мать изначальная, наша земля,
за красоту и добротность тайги!
О, цельностьвольность могучих деревьев,
солнце впитавших, ветрами умытых,
славных своей меднокорой красотой,
полных задумчивой звонкою силой!

Главные матицы в доме моем—
гладкие бревна, могучие дуги.
Глазу приятно, спокойно душе—
будто бы древняя мощь олонхо
держит мой дом, подпирая плечами
кровлю, где нынче потомство мое
только лишь вышло навстречу преданьям,
песням, легендам, — всему, что лежит
в неколебимой основе вселенной.
Вот почему взвеселилась душа—
самая та материнская сила,
что изначально по жизни ведет,
к дому и миру людей приобщая.

Дом и семья — неразрывные две
долгие радости...

Но обступает
дождь многодневный, осенний, когда

свежечеканным золотом листьев
время меня осыпает, когда
ветры безудержной памяти рвут
сердце на части, когда повзросленье
буйную кровь холодит изнутри,
чтоб я готовился к старости зимней,—
вот где помогут мне дом и семья!
Выстроил вовремя дом для детей:
пусть вырастают — я рад, что успел!
...Заблаговременно малая птаха
вьет для птенцов золотое гнездо,
и до камлания ладит шаман
свой многознающий бубен волшебный,
и до любви еще — жаждой любви,
дивной красой наливается дева,
и до того, как счастье запеть,
сердце певца, переполнясь восторгом,
зреет для песни, а песня сама
ищет слова, от которых начаться,
чтобы для жизни явиться на свет.

СОДЕРЖАНИЕ

Переводы с якутского Бориса РОМАНОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНОЙ АЛАС	3
ТУЧИ	3
СЛОВА	4
СЕВЕРНОЕ УТРО НАЧИНАЕТСЯ	5
ГОЛУБОЙ ЧОЛБОН ПЛЫВЕТ	6
ПОД РУКОЙ КОСТОРЕЗА	6
ОЛЕНИ	7
УТРО ВЫДАЛОСЬ ЯСНОЕ-ЯСНОЕ	8
СКВОЗЬ ОБЛАКА	9
ПЕСНЯ	10
СЧАСТЬЕ	10
СЕРДЦЕ МАТЕРИ	11
ПОЧЕМУ?	12
ОТВЕТЬ, ПОЭТ	12
ЗДРАВСТВУЙТЕ!	13
ВЕЧЕР	14
В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС	14

Переводы с якутского Владимира АЛЕЙНИКОВА

АХ, ГОДЫ — ГОРЕСТИ СТУДЕННЫЕ!..	15
НЫРНУЛА ОСЕНЬ В НЕБО ГОЛУБОЕ	16
СНЕГ	17
«КАК ЗВУК ХОМУСА, СОЛНЦЕМ НАЛИТОЙ...»	17
ВСТРЕЧА С ДРУЗЬЯМИ	18
«СТАРОСТЬ ВРОЗЬ ЖИВЕТ С ЗАВЕНЬЕМ...»	18
КОГДА НЕ СПИТСЯ	19
«ТАМ, ГДЕ ЗЛИТСЯ ПУРГА, ГДЕ МЕТЕЛИ ВИТАЮТ...»	20
ПРИСНИЛОСЬ МНЕ...	20
ПЕСНЯ О СОЛНЦЕ	21
«С ВЫСОКИМИ НОЧНЫМИ НЕБЕСАМИ...»	22
ПРОБУЖДАЕТСЯ ГРОМ...	22
С. А. Л.	23
«ЗДОРОВЫЙ ВОЗДУХ, СВЕЖИЙ, КАК КУМЫС...»	24

Переводы с якутского Иннокентия НОВОКРЕЩЕННЫХ

«ВОЙДИ: КАК В НЕПИСАНУЮ ОДУ...»	25
«ЗВЕЗДЫ, СЛОВНО ОЗОРНАЯ ДЕТВОРА...»	25
«УЗНАТЬ, РАЗВЕДАТЬ, КАК ДА ПОЧЕМУ...»	26

ЛЮБЛЮ Я ДЕВУШЕК	26
«СНОВА В КРАИ РОДНОЙ ВЕРНУЛСЯ...»	27
«Я СОЛНЦЕ ПЬЮ ОГРОМНЫМИ ГЛОТКАМИ...»	28
«НЕБО ПРОЗРАЧНЫМ БОЛЬШИМ КОЛПАКОМ...»	28
РАННЯЯ ЗАРЯ	29
ЯНСКОЕ ЛЕТО	30
ГОРЫ В ДОХЕ ИЗ БРУСНИЧНЫХ КУСТОВ	31
«УТРО ЗАНИМАЛОСЬ НАДО МНОЙ...»	31
РУЧЕЙ	32
«НЕЖНЫМИ-ПРЕНЕЖНЫМИ РУКАМИ...»	32
К ЗАРЕ, СКВОЗЬ ШОРОХИ ЛЕСНЫЕ	33
«С БЛЕДНОЙ ЛУНЫ — СО СТАРИННОГО БЛЮДЦА...»	33
ЖАВОРОНОК СВИЛ СЕБЕ ГНЕЗДО	34
РАССТАВАНИЕ	35
ТЫ СОБИРАЛА ЯГОДЫ НА ВЗГОРЬЕ	35
«СТРАШНЫЙ МИГ НЕЛЕПОЙ РАЗЛУКИ...»	36
СОН	37
«ЗЛОЕ, УНЫЛОЕ ОБЛАКО—ПАМЯТЬ...»	38
«О СЕРДЦЕ, ТЫ НЕ ТРЕПЕЩИ...»	38
ПРОШУ ТЕБЯ, ЛУНА	39
ПИСЬМО ОТЦА	40
«СЕГОДНЯ УТРОМ СКВОЗЬ МОЕ ОКНО...»	40
ОСЕНЬ	41
ДОБРОЕ ЯНСКОЕ УТРО	42

Переводы с якутского Ильи ФАЛИКОВА

МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ	42
ЕСТЬ У МЕНЯ УКОМНЫЙ МИР	43
НАКАРКАЛИ	44
ПРОШУ ТЕБЯ	44
ИНЕЙ	45
БЕЗ АДРЕСА	46
ГЛАС ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ	46
ИЗ-ЗА УГЛА	48
СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК	48
«СТАРСТЬ — НЕ ПРОКЛЯТЬЕ, А РЕЗОН...»	49
ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ	49
ПРИЧИНЫ ПОСТАРЕНИЯ	50
ПИСЬМО	51
НА ВЫСОТЕ	51
ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ КАПЛИ	52
БЫВАЕТ ВСЕ	53
РАЗГОВОР С СОБАКОЙ	53
В СЕНИ ДУБРАВЫ	54
РАННЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ	55
ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА	56
ПУРГА	56
ПОСЛОВИЦА	57
ОЖИДАНИЕ	58
НЕВОЗВРАТНОЕ	59
ДОЖДИК	59
ОТ ПРЕДКОВ	60
ОТЧАЯ РЕЧЬ	61
ПОМНЮ...	61
УТЕСЫ НАД ЛЕНОМ	62

ПОЙДЕМ НА АЛАС ЗЕМЛЯНИЧНЫҢ	63
ХОДЬБА В ЛЕСУ	63
САРДАНА	64
ЯКУТЯНКА	65
КАК ХОРОШО...	65
ПУНОЧКИ	66
БЛАГОДАТНОЕ ВРЕМЯ	67

Переводы с якутского Анатолия ПРЕЛОВСКОГО

НА ОСОХАЕ	67
СОН КОШМАРНЫҢ	69
МОЕМУ НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЮ	70
НОВЫҢ ДОМ	71

Горохов Христофор

ЯГОДНЫЕ ЗОРИ

Редактор В. Ермаков

Художественный редактор Г. Соколова

Художник В. Бусыгин

Технический редактор Н. Черная

Корректор В. Васильева

ИБ № 2097

Сдано в набор 29.07.93. Подписано к печати 03.12.93. Формат 84×100^{1/32}. Бум. писчая. Гарнитура Литературная. Печать высокая, Усл. печ. л. 3,9. Тираж 5 000 экз. Заказ 218. С-029.

Красноярское книжное издательство,
660049, г. Красноярск,
пр. Мира, 98.

ПИК «Офсет»,
660049, г. Красноярск,
пр. Мира, 91.

Горохов Х.

**Ягодные зори: Стихотворения. — Красно-
ярск: Кн. изд-во, 1993. — 80 с.**

ISBN 5—7479—0593—7

Новый сборник стихотворений известного якутского поэта раскрывает мир чувств и переживаний нашего молодого современника. Через все его стихотворения красной нитью проходит тема любви к родной природе и краю.

**Г 4803790200—029 93
М 147(03)—93**

ББК 84.3Р2 (Якут.)

